

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

И все же те короткие, драгоценные минуты, которые он "зевнул" – наверстать не удалось: космос – не железная дорога! Космонавт точно знал, где они, эти минуты, утерялись непоправимо и безвозвратно. Возвращаясь из испытательного полета с далекой безжизненной планеты, объятай рыжими облаками, он по пути облетел еще и Луну. Полюбовавшись печальной сестрой Земли, а по программе – присмотрев место посадки и сборки межпланетной заправочной станции-лаборатории, он завершал уже последний виток вокруг Земли в благодушном и приподнятом настроении, когда увидел в локаторном отражателе черные клубящиеся облака, и понял, что пролетает над страной, сердечком вдающейся в океан, где много лет шла кровопролитная и непонятная война. Многие державы выступали против этой войны, народы мира митинговали и протестовали, а она шла и шла, и маленький, ни в чем неповинный народ, умеющий выращивать рис, любить свою родину и детей своих, истреблялся, оглушенный и растерзанный грозным оружием, которое обрушивали на его голову свои и чужие враги, превратив далекую цветущую страну в испытательный полигон. Космонавту вспомнилось, как совсем недавно, когда мир был накануне новой, всеохватной войны и ее удалось предотвратить умом и усилиями мудрых людей, какая-то женщина-домохозяйка писала с благодарностью главе Советского государства о том, что от войн больше других страдали и страдают маленькие народы, маленькие страны и что в надвигающейся войне многие из них просто перестали бы существовать... У космонавта была странная привычка, с которой он всю жизнь боролся, но так и не одолел ее: обязательно вспомнить, из какой страны, допустим, писала эта женщина-домохозяйка? В детстве, увидев знакомое лицо, он мучился до бессонницы, терзал себя, раздражался, пока не восстанавливал в памяти, где, при каких обстоятельствах видел человека, встретившегося на улице; какая фамилия у артиста, лицо которого мелькнуло на экране, где он играл прежде, этот самый артист? И даже пройдя изнурительную и долгую выучку, он не утратил этого "бзыка", как космонавт называл сию привычку, а лишь затаил ее в себе. Закалить характер можно, однако исправить, перевернуть в нем что-то никакой школой нельзя – что срублено топором... Космонавт ругал себя: вот-вот поступит с Земли команда о посадке, надо быть собранным до последней нервной паутинки – вдруг придется переходить на ручное управление. И никак не мог оторвать взгляда от вращающегося экрана локатора, по которому вытягивались тушеванными росчерками пожары войны, и приказывал себе вспомнить: откуда писала эта домохозяйка нашему премьеру? "Навязалась на мою голову! – ругал он неведомую женщину. – Бегала бы с авоськой по магазинам – некогда бы... Буржуйка какая-нибудь, а за нее шею намылят. Руководитель полета – мужик крутой, как загнет свое любимое присловье: „Чего же, – скажет, – хрен ты голландский...“ – Из Дании! Из Дании! – радостно заорал космонавт, забыв, что передатчики включены. Сидевшие на пульте связи и управления инженеры изумленно переглянулись между собой, и один из них, свеживающий: в разговоре буквы "Л" и "Р", изумленно спросил: – Олег Дмитриевич, что с вами? Вы пвиняви сигнал товможения? – Принял, принял! Сажусь! Бабенка тут одна меня попутала, чтоб ей пусто было!.. – Бабенка?! Какая бабенка?! Но космонавт не имел уже времени на разъяснения, и пока там, на Земле, разрешалось недоумение, пока на пульте запрашивали последние данные медицинских показаний космонавта, которые, впрочем, никому ничего не объяснили, потому что были в полном порядке, сработала автоматическая станция наведения, и началась посадка. Системы торможения включились по сигналу Земли, и изящный легкий корабль повели на посадку, пожелав космонавту благополучного приземления. Полулежа в герметическом кресле, Олег Дмитриевич смотрел на приборы, чувствуя, как стремительно сокращается расстояние до Земли, мучительно соображая: "Сколько потерял времени? Сколько?.." Потом было точно установлено – две с половиной минуты и одна десятая секунды. Стоило ему это того, что вместо Казахстанской, обжитой космонавтами, степи, он оказался в сибирской тайге. Как произошло приземление и где – он не знал. Сильная, непривычно сильная перегрузка вдавила его в кресло, что-то сжало грудь, голову, ноги, дыхание прервалось. Он припал губами к датчику кислорода, но тут его резко качнуло, в ногу ниже колена впилось что-то клешней, и он успел еще подумать: "Зажим! Погнуло зажим". Потом он действовал почти бессознательно, ему не хватало воздуха и хотелось только дышать. Дышать, дышать, дышать! В груди его хрипело, постанывало что-то, он делал губами судорожные хватки, но слышались только всхлипы, а воздух туда не шел, и последние силы покидали его. Напрягшись всем тренированным телом, уже медленно и вяло поднял он руку, на ощупь нашел рычаг и, вкладывая в палец всю оставшуюся в теле и руках силу, повернул его. Раздалась щелчка: один, другой, третий – он обрадовался, что слышит эти щелчки, значит – жив! А потом, уже распластанный в кресле, вслушивался – срабатывают ли системы корабля? Раздалось

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
шмелиное жужжание, перебиваемое как бы постукиванием костяшек на счетах. Он понял, что выход из корабля не заклинило, и подался головой к отверстию, возникшему сбоку. Оттуда, из этого отверстия, сероватого, дымно качающегося, клубом хлестанул морозный воздух. Земной, таежный, родимый! Он распечатал грудь космонавта. Сжатое в комок сердце спазматически рванулось раз-другой и забилось часто, обрадованно, опадая из горла на свое место, и сразу в груди сделалось просторней. В онемелых ногах космонавт услышал иглы, множество игл, и расслабленно уронил руки, дыша глубоко и счастливо. Наслаждение жизнью воспринималось пока только телом, мускулами, а уж позднее – и пробуждающимся движением мысли: "Я живой! Я дома!" Жалостное, совершенно не управляемое ощущение расслабленности, какое бывает после тяжелой болезни и обмороков, и непонятное раскаяние перед родным домом, перед отцом или перед всеми людьми, которых он так надолго покидал, охватило космонавта, и у него, как у блудного сына, вернувшегося под родной кров, вдруг безудержно покатались по лицу слезы, и, неизвестно когда плакавший, он улыбался этим слезам и не утирал их. Сознание все еще было затуманенное, движения вялы, даже руку поднять не было сил. Но, облегченный слезами, как бы снявшими напряжение многих дней, и то сиротское чувство одиночества и покинутости, изведенное им в пространствах Вселенной, от которого отучали в барокамерах и прочих хитроумных приборах, но так до конца и не отучили – человеческое в человеке все-таки истребить невозможно! Чувство это тоже вдруг ушло, как будто его и не было. Еще не зная, где он приземлился и как, космонавт все равно уже осознавал себя устойчивей, уверенней, и ему хотелось поскорей сойти с корабля, ступить на Землю, увидеть людей и обняться с первым же встречным, уткнуться лицом в его плечо. Он даже ощутил носом, кожей лба и щек колючесть одежды, осталось это в нем с тех давних времен, когда, дождавшись с войны отца, он припал лицом к его шинели, и в нос ему ударило удушливым запахом гари, сивушной прелостью земли, и он понял, что так пахнут окопы. Сквозь застоявшиеся в шинели запахи пробивало едва ощутимые, только самому ближайшему человеку доступные токи родного тепла. Очнулся космонавт на снегу, под деревом, и увидел перед собой человека. Тот что-то с ним делал, раздевал, что ли, неумело ворошась в воротнике легкого скафандра. Они встретились глазами, и космонавт попытался что-то спросить. Но человек предостерегающе поднял руку, и по губам его космонавт угадал: "Тихо! Тихо! Не брыкайся, сиди!" Ни говорить, ни двигаться космонавт не мог и отрешенно закрыл глаза, каким-то, самому непонятным наитием угадав, что человеку этому можно довериться. Усталость, старческая, дремучая усталость – даже на снег глядеть больно. А ему так хотелось глядеть, глядеть на этот неслышанно белый снег. Силы возвращались к нему постепенно, и много времени, должно быть, прошло, пока он снова поднял налитые тяжестью веки. Горел огонь. На космонавта наброшен полушубок и под боком что-то мягкое. Наносило земным и древним. Он щекою ощутил лапник. "Ладаном и колдовством пахнет. Лешие, наверное, под этим деревом жили: тепло, тихо и не промокает..." "Пихта!" – вспомнил он первое существо на Земле. Не дерево, а именно существо, оно даже прошелестело в его сознании или в отверделых губах вздохом живым и ясным. От полушубка нанесло избой, перегорелой глиной русской печи и еще табаком, крепкой махоркой-саморубом. Нестерпимо, до блажи захотелось покурить космонавту. "Вот ведь дурость какая! А полушубок-то, полушубок! Какая удивительная человеческая одежда!.. Так пахнет! И мягко!.." Космонавт осторожно повернул голову и по ту сторону умело, внакрест сложенного огня увидел человека в собачьих унтах, в собачьей же шапке, и клетчатой рубахе, но по-старинному, на косой ворот шитой, и вспомнил – это тот самый человек, которого он увидел давно-давно: он делал с ним что-то, шарясь у ворота скафандра. Человек, сидевший на чурбаке возле костра, встрепенулся, заметив, что космонавт шевельнул головой, выплюнул сигарку в костер и широко развел скособоченный рот, обметанный рыжеватой с проседью щетиной. – Ну, здравствуй, Алек Митрич! Добро пожаловать, как говорится, на родную землю! – Здравствуйте! – отчего-то растерянно ответил космонавт и вспомнил – это ведь первое слово, произнесенное им на Земле по-настоящему вслух! Хорошее слово! Его всегда произносит человек человеку, желая добра и здоровья. Замечательное какое слово! Он натужился, чтобы повторить его, но человек, поднявшись с чурбака, замахал на него руками: – Лежи, лежи! Я буду пока докладать, а потом уж ты. Значит, так, – уже вразяжку, степенно продолжал он. – Зовут меня Захаром Куприяновичем. Лесник я. И жахнулся ты, паря, на моем участке. С небеси и напрямиком ко мне в гости! Стало быть, мне повезло. А тебе – не знаю. Иду это я по лесу. Рубили на моем участке визиры летом вербованные бродяги, по-всякому рубили, больше тят-ляп... Иду это я, ругаюсь на всю тайгу, глядь: а ко мне самовар с неба падает! Ну, я было рукавицу снял и по старинке: "Свят-свят!.." Да вспомнил, что по радио утрься объявили: сегодня мол, наш космонавт должен приземлиться, и смекнул: "Эге-е-е-е! Это ж Алек Митрич жалует! И правильно! – грю себе. – Всякие космонавты были, везде садились, а в Сибире

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
почто-то нету? Беляев с Леоновым вон в Пермской лес сели, а наша Сибирь пошире, поприметней ихнего лесу..." – Так я в Сибири?! – В Сибире, в Сибире, – подтвердил лесник и удивился. – А ты разве не знаешь? Олег Дмитриевич удрученно помотал головой. – Вот те раз! А я думал, тебе все известно и все на твоих автоматах прописано? – Лесник во время разговора не сидел без дела. Он шелушил кедровую шишку, выуженную из огня и, ровно расщелкивая напололам орешки, откладывал зерна на рукавицу, брошенную на снег. Но тут он перестал щелкать орехи и уже обеспокоенно спросил: – Алек Митрич, выходит, твои товаришсы не знают – где ты есть и живой ли? Космонавт нахмурился: – Не знают. Захар Куприянович по-бабьи хлопнул себя руками: – А, язвило бы тебя! Сижу-рассиживаю, табачок курю, вот, думаю, прилетят твои свяшшыки на винтолете, и я тебя им в целости передам... Ах, дурак сивый, ах, дурак!.. Чего же делать-то? – Большой этот человек в собачьих унтах огляделся беспомощно по сторонам, как бы спрашивая у молча сомкнувшейся кедровой и пихтовой тайги совета. Олег Дмитриевич приподнялся и, переждав легкое головокружение, указал леснику на полушубок: – Прежде всего оденьтесь, потом уж будем думать, что нам делать. – Сиди уж, коли бес попутал и ко мне на голову сверзил! – махнул рукой Захар Куприянович и бесцеремонно, как на маленького, натянул на космонавта полушубок, после чего поднял рукавицу с ядрышками орехов и сказал: – Держи гостинец! – но когда высыпал в протянутые ладони космонавта гостинец, спохватился: – Можно ли тебе орех-то? Народ вы притчеватый. На божьей пище живете! Показывали тут по телевизору твою еду, навроде зубной пасты. Жалко мне тебя стало... – Захар Куприянович приостановился, что-то соображая. Его голубовато-серые глаза, уже затуманенные временем, глядели напряженно на огонь, и рыжие, колкие вихры, выбившиеся из-под черной шапки, как бы шевелились в отсветах пламени. Ядрышки орехов были маслянисты и вкусны. Олег Дмитриевич никогда не пробовал этого лакомства. Чувствуя, как возвращаются к нему силы от живого огня, от угощения лесника, впавшего в глубокие размышления, он беспечно сказал: – Не бес меня попутал, Захар Куприянович, – женщина! Лесник отшатнулся от огня: – Ба-а-аба-а-а-а?! – он суеверно ткнул перстом в небо: – И там ба-ба-а-а?! Подбирая языком остатки зернышек на ладони, космонавт кивнул головой, подтверждая свое сообщение, и попросил удрученно онемевшего лесника, показывая на темную в кедраче тушу корабля, от которого тянулся мятый след по снегу: – Мне нужно подкрепиться, Захар Куприянович. И нужно осмотреть ногу. Болит. – Верно, верно, – засуетился лесник. – Подкормиться тебе надо, а у меня с собой ну ничегошеньки... Кабы я знал? – Он говорил, а сам не трогался с места, пряча глаза под окутившиеся брови и все шарил вокруг себя руками. – Когда зайдете в корабль, в боковом клапане нажмите кнопку с буквами "НЗ" – и все вам откроется: термос, пакеты и тюбики с божьей пищей. – Мне, поди-ка, нельзя? – напряженным сипом произнес Захар Куприянович. Не поворачиваясь, он потыкал пальцем через плечо в сторону корабля. – Туды нельзя... военная тайна... то да се... А может, я шпи?н? – Захар Куприянович сам, должно быть, удивился такому предположению и даже как-то взорлил над костром. Грудь у него выпятилась, и один глаз прищурился. Очень он нравился себе в данный момент, рот вот только кривился от старой контузии да по природной смешливости, а так что ж, так хоть сейчас в разведчики. Но космонавт осадил его на землю, сказавши, что шпи?ны ходят в шляпах, в макинтошах широкоплечих, монокль у них в глазу, серебряные зубы во рту, в руке тросточка, в тросточке фотоаппарат и пилюли с ядом. В этом деле он уж как-нибудь разбирается. Захар Куприянович крикнул и решительно направился к кораблю. Все он нашел быстро и, вернувшись, восторженно покрутил головой: – А кнопок! А механизмов! Ну, паря, и машина! Чистота в ей и порядок. Как ты все и помнишь только?! – Он постучал по своему лбу кулаком, наливая из термоса в колпачок кофе. – Сельсовет у тебя потому что крепкий... – И тут же, как бы самому себе, рассудительно утвердил, показывая наверх: – Да уж всякова якова туды не пошлют! От кофе Захар Куприянович отказался, а вот фруктовой смеси из тюбика попробовал, выдавив немножко на ладонь. Прежде чем лизнуть, понюхал, зацепил языком багровый червячок, зажмурился, прислушался к чему-то, подержав во рту смесь, проглотил ее и почмокал губами; – Еда-а-а-а! Он курил, поджидая, когда напьется кофе космонавт, и сразу потребовал, чтобы тот ложился обратно на лапник. – Ногу погляжу. Чего у тебя там? Не перелом, думаю. При переломе не шутковал бы... Захар Куприянович сильно надавил на колено, затем на икру, и когда космонавт замычал от боли, приподнялся с корточек, стал размышлять, почесывая затылок; – Разрезать придется, Алек Митрич. А костюм-то казенный, дорогой, поди-ко?! – Дорогой. Очень. Но ничего не поделаешь. Режьте. Лесник направился к пошатнувшемуся кедру с развилком, и только теперь Олег Дмитриевич заметил на окостенелом суку кедра висящее ружье, патронташ с ножнами и опять подумал, что холодно леснику в одной рубахе, да еще с распахнутым воротом. Но когда снова увидел Захара Куприяновича возле себя, грудастого, краснощекого и почувствовал на голой уже ноге ненаставившие его руки, успокоился, заключив, что это и есть

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
истинный сибиряк, о которых много говорят и пишут, а осталось их не больше, чем уссурийских тигров в тайге, – отдельные лишь семьи, которые в лесах затерялись. Перетянув ногу бинтами, взятыми из аптечки корабля, Захар Куприянович сказал, что ничего будто бы особенного нет, чем-то придавило голень, и вот опухла нога, но идти он едва ли сможет и что загорать им придется здесь до вечера. – А вечером что? – спросил космонавт, ругая про себя конструкторов, до того облегчивших корабль и так уверенных в точной его посадке, что наземной связи они не придали почти никакого значения, и она накрылась еще на старте, при прохождении кораблем земной атмосферы. Древняя, но прочная привычка русских людей: поставить хороший дом да прибить к дверям худые ручки, дотащится, видать, до второго тысячелетия и, может быть, даже его переживет. Уйти от корабля, даже если бы и нога была здорова, космонавт не мог до тех пор, пока сюда не придут люди, которым нужно передать машину. – Так что же вечером? – повторил Олег Дмитриевич вопрос впадшему в полусон и задумчивость леснику. – Вечером? – встряхнулся старик. И космонавт понял, что он держится с людьми напряженно оттого, что сильно оконтужен. – Вечером Антошка придет, – отозвался Захар Куприянович и, как бы угадывая мысли космонавта, молвил: – Извини. Бывает со мной. Затупляется тут, – постукал он себя по лбу и откашлявшись, продолжал: – Не мое это дело, как говорится, но вот что все же вдишь мне, Алек Митрич? Вот приземлился ты, слава богу, можно сказать, благополучно, а ни теплых вещей при тебе, ни оружия, ну никакого земного приспособления и провианту? Вот и Беляев с Леоновым пали в Пермскую землю, так их тоже, по слухам, одевали местные жители?.. У лесника был мягкий говор, и космонавт, слушая, как он распевно тянул гласные "а" и "е", усмехнулся про себя, вспомнив, что представлял выговор сибиряков по хору, который, как и Волжский, и Уральский, в основном нажимают на букву "о", заворачивая ее тележным колесом – тем самым люди искусства упорно передают местный колорит и особенность говора, а получается, что везде одинаково кругло окают, и это очень смешно, но не очень оригинально. – А ежели бы я в самом деле шпи?н оказался? – донимал тем временем Захар Куприянович. – А хуже того – беглый бандит какой? Ну, а пронеси тебя лешаки в чужое осударство? – Это исключено, отец, – уже сухо, отчужденно сказал космонавт и, поправляя неловкость, громче добавил: – Каждый грамм в корабле рассчитан... – Так-то оно так. Ученые, они, конечно, знают, что к чему. И все же наперед учитывать надо бы земное имущество. А то из-за пустяка какова такая важная работа может насмарку пойти... Вон в семисят первом году трое сразу загинуло. Какие ребята загинули! Расея вся плакала об их... – Лесник сурово шевельнул бровями и печально продолжал: – Я как сейчас помню, сообщение об взлете передали, а моя клуха в слезы: "Зачем же троих да в троицу? Небо-то примет, а земля как?" Я ее чуть не пришиб потом. Накаркала, говорю, клятая, накаркала!.. – Что, серьезно так и сказала? – приподнялся на лапнике космонавт, пораженно уставившись на лесника. – Врать буду?! Она у меня не то кликуша, не то блаженная, не то еще какая... Как меня на фронте ранило почти до смерти – в горячке валялась, пока я не отошел... Вот и не верь во всякую хреновину! С одной стороны высший класс науки, люди на небеси, как в заезжем доме, а в тайге нашей все еще темнота да суеверие... Но душа-то человеческая везде по-одинаковому чувствует горе и радость. Скажи, не так? – Так, Захар Куприянович, так. И плакали по космонавтам мы теми же слезами. – Олег Дмитриевич задумался, прикрыл глаза. – И что еще будет?.. Освоение морей и океанов, открытие Америки взяло у человечества столько жизней!.. Так ведь это дома, на земле... Там, – кивнул космонавт головою в небо, – все сложнее... Там море без конца и края, темное, немое... Но и там будут свои Робинзоны... Так уж, видать, на роду написано человеку – к совершенству и открытиям через беды и потери... Захар Куприянович слушал космонавта не перебивая, хмурясь все больше и больше, затем двинул ногой в костер обгоревшие на концах бревешки, выхватил топор из кедра, одним махом располовинил толстый чурбак, пристроил поленья шалашом и мотнул головой: – Пойду дров расстараясь, а ты подремли, коли не околел вовсе. – Нет, мне тепло. – Да оно холодов-то больших и нет. С?дня с утра семь было, ополудень того меньше. Ноябрьская еще погода. Вот уж к рождеству заверне-о-о-от! Тогда уж тут не садись! В Крым меть! Я там воевал, – пояснил лесник. – Благодать там! Да вот жить меня все же потянуло сюда... Н-нда-а-а-а, вот и по твоему рассуждению выходит: дом родной, он хоть какой суровой, а краше его во всем свете нету... – Как же найдет нас Антошка? – чувствуя, что лесника потянуло на долгий разговор, прервал его космонавт. – И кто он такой? – Антошка-то? А варнак! Юбилейного выпрыску варнак! К двадцатилетию Победы выскочил на свет, а известно: поздний грех грешнее всех. Наказанье мне в образе его от бога выпало за тот грех. Держу при себе. Ежели в город отпустить – он там всех девок перешушает – такой он у меня развратной да боевой! На алименты истратит всего себя!.. – Лесник сокрушенно покачал головой, и, придвинувшись, доверительно сообщил: – Вот и лес кругом, сплошная тайга, а он и здесь эти, как их, кадры

находит! То на лесоучастке, то в путевой казарме... Как марал, кадрю чует носом и бежит к ей, аж валежник трешыт! Шийдисят верст ему не околица! Деру его, деру, а толку... Захар Куприянович плюнул под ноги и шагнул по мелкому еще снегу к кедру с отростком-сухариной. Космонавт не мог понять: отчего же это у одного дерева стволы разного цвета? Стукнул обухом по сухарине Захар Куприянович, прислушался, как прошел звон от комля до вершины по дрогнувшему дереву, и, поплевав на руки, крепко ахая к каждому взмаху, стал отделять от кедрового белого, на мамонтовый бивень похожий, отросток, соря крупно зарубленной щепой на стороны. Свалив сухарину, лесник раскрывал ее, поколол на сутунки и подладил огонь, и без того горевший пылко, но по-печному ровно, без искр и трескотни. Кедр без братнего ствола сделался кособоким, растрепанным, в нем возникла просветь, и в самой тайге тоже образовалась проглядина. "В любом месте, в любом отрезке жизни все на своем месте находится", – с легкой грустью отметил космонавт. Присевши на розовенькое внутри кедровое полено, Захар Куприянович принял крутить цигарку, отдыхаясь, не спеша. На круто выдавшихся надбровьях его висели осколочки щепы, переносицу окропило потом. Олег Дмитриевич успел выпить еще колпачок кофе, выдавил тюбик белковой смеси и мечтательно сказал: – Хлебца бы краешечку, ржаного, с корочкой! Лесник через плечо покосился на него, искривил рот в улыбке, и получилась она усмешкой. – Что, ангел небесный, на искусственном-то питанье летать будешь, а на гульбу уж, значит не потянет? – и поглядел на небо. – Скоро-скоро постолу тебя ладом, будет хлебец и похлебка, а ежели разрешается, то и стопка. А покуль скажи, Алек Митрич: винтолет прилетит – ему нужна площадка или как? Я вон дров наготовил для сигнала, если что... – Поляна есть? – Как не быть. В версте, чуть боле – мой покос. Надо сигналить, дак я и стог зажгу... – Ну, зачем же сено губить! Попробуем до корабля добраться. Там у меня кое-что посущественной есть для сигналов... – Дело твое, – спокойно сказал Захар Куприянович, подставляя космонавту плечо. – Но коли потребуется, избу спалю – не изубычусь... Космонавт поднялся, шагнул и, охнув от боли, почти повис на Захаре Куприяновиче, Тот ловко подхватил его под мышку и понес, давая ему лишь слегка опираться здоровой ногой. Получалось так, что будто бы космонавт шел сам, но он лишь успевал перебирать ногами. Волною повалило полосу хвойного подлеска. Начисто снесло зеленую шапку с огромного кедрового ствола. Ударившись о ствол другого дерева, корабль уже боком, взадир прошелся по нему, сорвал ветви, располосовал темную рубаху с розовой подоплекой, а попутно посшибал и наружные присоски антенн с корпуса корабля. "Ах, дура, дура моторная! – изругал себя космонавт, глядя на кедр. – Нашел время разгадывать загадки. А если б на скалы попал или в жилое место?.." Под кораблем и вокруг него оплавился снег, видны сделались круглые прожилые листья лесного копытника, заячьей капусты, низкорослого, старчески седого хвоща, и свежо рдела на белом мху осыпавшаяся брусника, жесткие листья брусничника раскидало по земле. Всюду валялись прелые, кедровками обработанные, шишки, иголки острой травы протыкали мох, примороженные стебли морозики с жухлым листом вырвало и смело под деревья. Гибкий березник-чапыжник с позолотой редкого листа на кронах, разбежавшийся по ближней гривке, встревоженно разбросало по сторонам, а пихтарник, скрывающийся под ним, заголило сизым исподом кверху. Вдали, над вершинами кедров, туманились крупные горы – шиханы. Ржавый останец с прожилыми снегами в падах и темными былками хребтовника, курился, будто корабль перед стартом. За перевалами садилось солнце, яркое, но уже по-зимнему остывшее, не ослепляющее. Тени от деревьев чуть обозначились, и у корабля стала проступать голубоватая тень. Где-то разноробной кричали кедровки, стучал дятел, вишневоголовая птичка звонко и четко строчила на крестовнике пихты, повернувшись на солнце дергающимся клювом. "Люди хорошие, хорошо-то как!" – умилился Олег Дмитриевич и, наклонившись, сорвал щепотку брусники. Ягода была налита дремучим соком тайги. Она прошла по крови космонавта холодным током, и он не только слухом и глазами, а телом ощутил родную землю, ощутил и вдруг почувствовал, как снова, теперь уже осознанно царапнуло горло. "Вот еще!.." Подняв лицо к небу, космонавт скрипуче прокашлялся и попросил лесника помочь ему подняться в корабль. Он подал Захару Куприяновичу плоский ящичек, мягкий саквояж с замысловатой застежкой и осторожно опустился на землю. Когда они отошли шагов на десять, Олег Дмитриевич оглянулся, полюбовался еще раз кораблем и обнаружил, что формой своей, хотя отдаленно, он и в самом деле напоминает тульский самовар с узкой покатым талией. Корабли-одиночки, корабли-разведчики и одновременно испытательные лаборатории новой, не так давно открытой плазменной энергии – не прихоть и не фокусы ученых, а острая необходимость. В трубе матери-Земли, вежливо называемой недрами, – скоро ничего уже не останется из того, что можно сжечь, переплавить: все перерыто, сожжено, и реки земли сделались застойными грязными лужами. Когда-то бодро называемые водохранилищами и даже морями, лужи эти все еще крутили устаревшие турбинные станции, снабжая электроэнергией задыхающиеся дымом и копотью города. Но вода в них уже не годилась для жизни.

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru

Надо было снова вернуть людям реки, надо было лечить Землю, возвращая ей дыхание, плодотворность, красоту. Старинное, гамлетовское "Быть или не быть..." объединило усилия и разум ученых Земли, и вот спасение от всех бед, надежда на будущее – новая энергия, которая не горела, не взрывалась, не грозила удушьем и отравой всему живому, энергия, заключенная в сверхпрочном поясе этого корабля-"самовара", подобная ртути, что разъединяясь на частицы, давала импульсы колоссальной силы, а затем кристаллами скатывалась в вакуумные камеры, где, опять же подобно шарикам ртути, соединялась с другими, "отработавшимися" уже кристаллами и, снова обратившись в массу, возвращала в себя и отдавала ту недостающую частицу, которая была истрачена при расщеплении, таким вот путем образуя нить или цепь (этому даже и названия еще не было) бесконечно возникающей энергии, способной спасти все сущее на Земле и помочь человечеству в продвижении к другим планетам... Открытие было настолько ошеломляющим, что о нем еще не решались громко говорить, да и как объяснить это земному обществу, в котором одни члены мыслят тысячелетиями вперед, другие – все тем же древним способом: горючими и взрывчатыми веществами истребляют себе подобных, а племена, обитающие где-то возле романтического озера Чад, ведут первобытный товарообмен между собою... Ах, как много зависело и зависит от этого "самоварчика", на котором летал и благополучно возвратился "домой" русский космонавт! Все лучшие умы человечества, с верой и надеждой, может быть, большей верой, чем древние ждали когда-то пришествие Христа – избавителя от всех бед, – ждут его, обыкновенного человека, сына Земли, который и сам еще не вполне осознавал значение и важность работы, проделанной им. – Так какова, отец, таратайка? – продолжая глядеть на корабль и размышляя о своем, полюбопытствовал космонавт. – Да-а, паря, таратайка знатная! – подтвердил Захар Куприянович. – Умные люди ее придумали. Но я нонче уж ничему не удивляюсь. Увидел в двадцатом годе на Сибирском тракту "Аму" – как удивился, так с тех пор и хожу с раскрытым ртом... Сам посуди, – помогая двигаться космонавту к костру, рассуждал лесник. – При мне появилось столько всего, что и не перечесать: от резинового колеса и велосипеда вплоть до бритвы-жужжалки и твоего самовара! Я если нонче увижу телегу, ладом сделанную, либо сбрую конскую, руками, а не ногами сштую, – пожалуй больше удивлюсь... Он опустил космонавта на лапник, набросил на спину его полушубок, поворошил огонь и прикурил от уголька. – Нога-то ч?? Тебе ведь придется строевым к правительству подходить. Как, захромаешь?! – Захар Куприянович подморгнул Олегу Дмитриевичу, развел широкий рот в кривой улыбке, должно быть, ясно себе представляя, как это космонавт пошкондыбает по красной дорожке от самолета к трибуне. – Врачи наладят, – охладил его космонавт. – У нас врачи новую ногу приклепают – и никто не заметит!.. Захар Куприянович поворошил у огня, устроился на чурбаке, широко расставил колени. – Фартовые вы! – Олег Дмитриевич вопросительно поднял брови. – Фартовые, говорю, – уже уверенно продолжал старик. – Вот слетаете туды, – ткнул он махорочной сигаркой в небо, – и все вам почести: Героя Звезду, правительство с обниманием навстречу! Ну, само собой, фатера, зарплата хорошая... А если, не дай бог, загинет который – семью в нужде не оставят, всяким довольством наделят... – Ну, а как же иначе, отец? Что в этом плохого? – Плохого, конечно, ничего нет. Все очень правильно. На риск идете... Но вот, Алек Митрич, что я скажу. Ты токо не обижайся, ладно? – Постараюсь. – Вот и молодец! Так вот, как на духу ответь ты мне, Алек Митрич: скажем, солдат, обыкновенный солдат, когда из окопу вылезал и в атаку шел... а солдат штука шибко чутливая, и другой раз он твердо знал, что поднялся в последнюю атаку. Но совсем он нетвердо знал – схоронят ли его по обряду христианскому. И еще не знал что с семьей его будет. О почестях, об Герое он и подавно не думал – сполнял свое солдатское дело, как до этого сполнял работу в поле либо на заводе... Так вот скажи ты мне, Алек Митрич, только без лукавства, по совести скажи: кто больше герой – ты или тот бедолага-солдат? – Тут двух ответов быть не может, отец, – строго произнес космонавт. – Как не могло быть ни нас, ни нашей работы, если б не тот русский солдат. Захар Куприянович глядел на огонь, плотно сомкнув так и не распрямляющиеся губы, и через время перехваченным голосом просипел: – Спасибо. – Помолчав, он откашлялся и, ровно бы оправдываясь, добавил: – Одно время совсем забывать стали о нашем брате солдате. Вроде бы сполнил он свое дело – и с возу долой! Вроде бы уж и поминать сделалось неловко, что фронтовик ты, окопный страдалец. Награды перестали носить фронтовики, по яшшыкам заперли... Это как пережить нам, войну заломавшим? Это ведь шибко обидно, Алек Митрич, шибко обидно... Вот я и проверил твою совесть, кинул вопросик язвенный. Ты уж не обижайся... – У меня отец тоже фронтовик. Рядовой. Минометчик. – А-а! Вот видишь, вот видишь! – Лицо Захара Куприяновича прояснилось, голос сделался родственней. – Да у нас ведь искорень все от войны пострадавшие, куда ни плюнь – в бойца попадешь боевого либо трудового. И не след плеваться. Я ж, грешник, смотрел на космонавтов по телевизору и думал: испортят ребят славой, шумом, сладкой едой... Вишь вот –

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
ошибся! Неладно думал. Прости. И жене этого разговора не передавай. "Фартовые, – повторил про себя космонавт. – У всякого времени, между прочим, были свои баловни и свои герои, но не все пыжились от этого, а стеснялись своего положения. И вызывающий ответ одного из первых космонавтов на глупый вопрос какого-то заслуженного пенсионера, ставший злой поговоркой: „Где лучше жить – на земле или в космосе?“ – „На земле! После того как слетаешь в космос!“ – был продиктован чувством неловкости и досады, и ничем другим". – Я не могу ничего передать своей жене, Захар Куприянович, потому что не женат. – Н-н-но-о-о?! Худо дело, худо! – Захар Куприянович, стараясь держаться в дружеском тоне, почесал голову под шапкой. – Это ведь они, девки-то как мухи на мед, на тебя набросятся и закружат! Закружа-а-ат. Не старый еще, при деньгах хороших, на виду у всего народа! Закружа-а-аат! Ты, паря, уши-то не развешивай, какую попало не бери, а то нарвешься на красотку – сам себе не рад будешь!.. Олег Дмитриевич улыбался, слушая ровную текучую речь Захара Куприяновича, его полунасмешливые советы по части выбора половины и все время пытался представить своего отца на месте лесника. Ничего из этого не выходило. Тот застенчивый, потерянный вроде бы в жизни, чем-то напоминаящий чеховского интеллигентного чиновника, хотя вечный работяга сам и произошел из рабочей семьи. Говорят: баба за мужиком. А у его родителей все получилось наоборот. Пока мать жила – и отец как отец был, хозяин дома, глава, что ли. Но перед самой войной свернула тяжкая болезнь полнощекую, бегучую, резвую мать и унесла ее в какой-то месяц-два в могилу, и сразу отец сиротой стал, Олег и подавно. До десяти лет, пока отец с войны не возвратился, Олег воспитывался у тети Ксаны. И устал. Устал от ее правильности, нерусской какой-то правильности, от сознания места, какое он занимал в чужой семье. Было у тетки еще двое детей – дочь и сын. И все, что делалось или покупалось для них, делалось и покупалось для него. Но только яблоко почему-то попадалось с червяком, штаны заплатанные, ботинки поношенные, тарелка за столом в последнюю очередь... Ему все время давали почувствовать – чье он ест и пьет. И он не забывал об этом. Если поливал огород – не считал за труд принести лишнюю бадью воды, если чистил свинарник – выскабливал его до желтизны, если рвал рубаху – дрожал осиновым листом; разбитое стекло спешил сам и застеклить, хотя тетя Ксана никогда его не била, а своих лупцевала походя, и они с неприязнью, порой и враждебностью относились к сводному брату, вредили ему чем могли. Тетушка, горюясь лицом, часто повторяла: "Олежек, тебе полагается быть поскромнее да потише. Ласковый теленок две матки сосет, грубой – ни одной..." И это было хуже побоев. Как же он был счастлив, когда вернулся с войны отец. Униженно выслушав тетю Ксану и униженно же отблагодарив ее старомодным поклоном за все, что она сделала для сына, отец отремонтировал хлев, покрыл заново крышу на домине тетушки, подладил мебель, переложил печь, из старого теса выстрогал "гардероп" – и не взял, к радости Олега, никаких денег за это и ничего из шмоток, "заведенных сиротке". Он взял сына за руку и увел его с собою. Отец по профессии столяр-краснодеревщик, и поселились они жить в узенькой комнатке при мебельном комбинате. После смерти матери тихоня-отец прирастался к выпивке, а на войне еще больше втянулся в это дело. Олег привык к нему пьяненькому и любил его пьяненького, смущенного и доброго. Воля Олегу была полная – живи и учись как знаешь, обихаживай дом как умеешь. И Олег учился ни шатко, ни валко, дом вел так же, однако к самостоятельности привык рано. Отец чем дальше жил и работал, тем больше ударялся в домашний юмор, называл себя столяром-краснодырщиком, краснодальщиком, краснодарильщиком и еще как-то. На комбинате заработки после войны были худые, отец халтурил на дому: делал скамьи, табуретки, столы и коронную свою продукцию – "гардеропы". Приморский городишко и особенно окраинные его поселки были забиты отцовскими неуклюжими "гардеропами". В любом доме Олег наткался на эти громоздкие сооружения, покрашенные вонючим, долго не сохнущим лаком. За "гардеропы" в дому их не переводилась еда, стирали им бабенки, изредка подбирали в комнате, где все пропахло лаком, стружками и рыбьим клеем. Как хорошо, как дружно жили они с отцом! Один раз, один только раз отец наказал его. Олегу шел шестнадцатый год. Он ходил в порт на разделку рыбы вместе с поселковыми ребятами, выпил там и покурил. Отец снял со стены старый солдатский ремень и попытался отстегать Олега. Покорно стоял паренек среди комнаты, а отец хвостал его мягким концом ремня и задышливо кричал: "Хочешь, как я?! Хочешь, как я?! Пьянчужкой чтобы?.." Потом он отбросил ремень, сел к столу и заплакал: "Конечно, была бы мать жива, разве бы распустила она тебя так..." Олег подошел, обнял отца; сухонького, слабого, и поцеловал его руку, опятнанную краской... С тех пор он никогда не напивался. Курить, правда научился, но в летной школе пришлось и с этой привычкой расстаться. А отец, как жил, так и живет в приморском городишке, в той самой комнатке, обитой изнутри квадратами фанеры, и никакими путями не вызволить его оттуда. "Вот уж когда женишься, внуки пойдут... А пока не тревожь ты меня, сынок. Мне здесь хорошо. Все меня знают..." Суется сейчас

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
соседи, особенно соседки. В поселке дым коромыслом! – снаряжают отца в дорогу. А он, страшась этой дороги и всего, что за нею должно последовать, хорохорится: "Мы, столяры-краснодырщики, нигде не пропадем!" Космонавт улыбнулся и тут же с тревогой подумал: "Не сказали бы отцу, что я потерялся. Сердчишко-то у него..." – И вспомнилось ему, как после гибели Комарова отец, наученный, должно быть, соседками, намекал в письме, будто космонавт выбрался из ракеты в океан и плавает на резиновой лодке, и надо бы искать его, не отступаться. Слышал о Комарове отец в поселковой бане, и в бане уж зря не скажут, сам, мол, знаешь – от веку все сбывалось, что здесь говорили... Олег прочел послание отца друзьям. Покоренные простодушием письма, космонавты весь вечер проговорили о доброте и бескорыстии своего народа, и так уж получилось, что письмо то вроде бы и горе подрастопило, начала исчезать подавленность. Но не успели пережить одну беду, как громом с ясного неба ударила гибель Юры, а вскоре целиком экипаж "Союза"... Сколько же еще возьмет славных братьев это самое завоевание космоса?! Слово-то какое – завоевание! – Захар Куприянович, как скоро придет этот самый варнак Антошка? – Антошка-то? – Захар Куприянович передернул плечами, посмотрел выше кедров. – А скоро и будет. Вот стрельнем – он и будет! – Лесник снял с дерева двустволку, поднял ее на вытянутой руке и сделал дуплет. Выбросив пустые гильзы, зарядил ружье, чуть пошабашил и еще сделал дуплет. – Скоро будет, – прибавил он, цепляя ружье на сук. – Я думал, ты задремал? – Об отце я думал. Беспokoится старик. – Как не беспокоиться? Дело ваше рысковое, говорю. Матери-то нет? Нету-у... Значит, отцу за двоих угнетаться. Ты там летаешь выше самого Господа Бога, а он тут с ума сходи!.. Ох, дети, дети, и куда вас, дети? Ты ему весточку пошли, отцу-то. – Как же я ее пошлю? – Отсюда телеграфу, конечно, нету. А шийдисят верст пройдешь – будет станция березай, кто хочет – вылезай! Оттудова и пошлем отцу телеграмму, свяшшыкам твоим и всем, кому надо. – Предупреждая вопрос космонавта, Захар Куприянович пояснил: – Значит, обэту пору варнак мой с работы является. И сразу к матке: "Где тятя?" – "В лесу тятя". А тятю немецким осколком по кумполу очеушило. Он идет, идет, да и брякнется – копыта врозь. Лежит, все чуует, а подняться не может. В городе один раз поперек тротуара – дак трудящие перешагивают, пьяный, говорят, сукин сын... Ну, а тут, в лесу, лежу-лежу – и отлежуся. Но ежели в назначенное время не явлюсь – Антошка находит меня, в чувствие приводит либо волокет на себе домой. Означенное время как раз наступило. Антошка по следу моему счас шарится. – Как же вы, Захар Куприянович, с падучей – по тайге? – А что делать-то, паря? На пече лежать? Так я в момент на ней засохну и сдохну. Во! – насторожился он и поднял предостерегающе палец. – Идет, бродяга, ломится! Олег Дмитриевич напряженно вслушался, но ничего в тайге не уловил, никаких звуков. Редкие птицы уже смолкли. От деревьев легли и сгустились тени. В костре будто пощелкивали кедровые орешки, шевелилась от костра на снегу хвостатая тень. Стукнул где-то дятел по сухарине и тоже остановил работу, озадаченный предвечерней тишиной. Витушки беличьих и соболиных следов на снегу сделались отчетливей, под деревьями пестрела продырявленная пленка снега, от шишек, хвои и занесенных с березника ярких листочков. Покойно и сурово было в тайге. Сумеречь накатывала со всех сторон, смешивала тени леса и сам лес. Бескрайняя таежная тишина, так же как и в космосе, рождала чувство покинутости, одиночества – казалось, нигде в мире нет ни единой души, и только тут, возле огня, прибилась еще какая-то жизнь. Олег Дмитриевич поехал, представив себя совершенно одного в этой тайге. Что бы он здесь делал, как ночевал бы? Уйти-то нельзя. Пулял бы ракеты вверх и ждал у моря погоды, испытывая оторопь и неизведанный, ни с чем не сравнимый страх человека, поглощенного тайгой, настолько большой и труднодоступной, что ее не смогли до сих пор свести под корень даже с помощью современной техники. В пихтовнике раздался шорох, качнулись ветви, заструилась с них изморозь, и в свете костра возник парень на лыжах, в телогрейке, в сдвинутой на затылок беличьей шапке, с бордовым шарфом на шее. Он резко затормозил лыжами возле костра и поражение глядел то на отца, то на космонавта. – Знакомься... – А я думал... – Думал, думал... – буркнул Захар Куприянович и стал собираться, укладывая кисет и спички в карман. – Я думал... Так это Олег Дмитриевич, что ли?! – Он! – торжественно и гордо заявил отец. – Посиди вот с им, покалякай. А лыжи и телогрейку мне давай! Парень снимал лыжи, телогрейку, а сам не отрывал взгляда от космонавта, будто верил и не верил глазам своим. – А вас ищут! Засекли, что вы в районе нашего перевала упали, а где точно, не знают. Назавтра поиски всем леспромхозом организуются. – Назавтре, – проворчал Захар Куприянович. – А с?дня, значит, загинайся человек! – С?-одня! – передразнил сын отца. – С?дня все на работе были, как тебе известно. Звонок недавно совсем директору, а от директора покуль нашего участка добились... Меня Антоном зовут, – парень подал руку космонавту и коротко, сильно жманул. – В порядке все? – Ногу немножко... – Донесем! – с готовностью откликнулся Антон. – На руках донесем! Такое дело! Ты ч? это, тятя, ковыряешься, как покойник? – Утрись!

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
– цыкнул Захар Куприянович на сына, взял таяк и по-молодецки резво перебросил ногою лыжу. – Не надоедай тут человеку! – наказал он и широко, размашисто катнулся от костра, и лес сразу поглотил его. – Силен мужик! – покрутил головой космонавт и хитровато покосился на Антошку. – Дерет тебя, сказывал? – Махается! – нахмурился парень, опустив глаза. – Другого б я заломал. А его как? Отец! Да еще изранетый... – Парень достал из кармана пачку папирос, протянул быстро космонавту, но опаматовался, сделал "чур нас!" и закурил сам, лихо чиркнув замысловато сделанной из дюрала зажигалкой. Прикуривал он как-то очень уж театрально, топыря губы и отдувая чуб, в котором светились опилки. "Кокетливый какой!" – улыбнулся космонавт. Под серым свитером, плотно облегающем окладистую фигуру парня, разлетно прямели плечи. Руки крупные, на лице тоже все крупно и ладно пригнано, волосы отцовские, рыжеватые, глаза чуть шальные и рот безвольный, улыбочивый. "Этот парень будущей жене и командирам в армии – не подарок! Этот шороху в жизни наделает! – любуюсь парнем, без осуждения, даже будто с завистью думал Олег Дмитриевич. – Сейчас он, пожалуй что, в космонавты начнет проситься..." Антошка, перебарывая скованность, мотнул головой в темное уже небо: – Страшно там? "Во, кажется, издалека подъезжает", – отметил космонавт и произнес: – Некогда было бояться. Вот здесь когда оказался – страшно сделалось. – Х-хы, ч? ее, тайги-то, бояться? Тайга любого укроет. Тайга добрая... – До-обрая. Не скажи! – Конечно, к ней тоже привыкнуть надо, – рассудительно согласился парень и неожиданно спросил: – А вам Героя; дадут? – Я не думал об этом. Антошка с сомнением глядел на космонавта, а затем так же, как отец, сдвинул шапку на нос, почесал голову и воскликнул: – Во жизнь у вас пойдет, а! Музыка, цветы! А девок, девок кругом! Что тебе балерина, что тебе кинозвезда!.. "Голодной куме все хлеб на уме! И этот о том же!" – усмехнулся Олег Дмитриевич и подзадорил Антошку: – Любишь девок-то? – А кто их, окаянных, не любит?! Помните, как в байке одной: "Тарас, а, Тарас! Девок любишь? Люблю. А они тебя? И я их тоже!" Ха-ха-ха! – покатился Антошка, аж дымом захлебнулся и тут же посуровел лицом: – Отец небось наболтал? Как сам к Дуське-жмурихе в путевую казарму прется, так ничего... – До сих пор ходит?! – Соображает! – Ему сколько же? – Шестьдесят пять. – Тут только руками разведешь! – И разведешь! А на меня, чуть чего – веревкой! Избалуешься! Эта самая свекровка, которая снохе не верит, – заключил Антошка и ерзнул на чурбаке. – Да ну их, несерьезные разговоры. Трепотня голимая... Я вот об чем хочу вас спросить, пока тяти нет. Вот мне восемнадцать, девятнадцатый, мне еще в космонавты можно? "Вот. Дождался! А сколько, будет этого еще? Вон ребят наших прямо заездили вопросами да просьбами. Пенсионеры и те готовы лететь в космос, хоть поварами, хоть кучерами..." – Образование какое у тебя? – Пять. – Маловато. Представляешь ли ты себе наш труд? – Представляю. По телевизору видел, как вас, горемышных, на качулях и на этой самой центрифуге мают, и как в одиночку засаживают... Тяжело, конечно... разговорчивый если – совсем хана!.. "Ну, этот сознательный. С этим я быстро слажу". – И это, Антон, не самое главное. Труд каждодневный, требующий все силы: физические, умственные, духовные. Жить нужно в постоянном напряжении, работать, работать, работать... Сила воли ой какая нужна! Самодисциплина прежде всего!.. Парень задумался, поскучнел. – Учиться, опять же... А я пять-то групп мучил, мучил!.. Отец каждую декаду в поселок наезжал, жучил меня. Видите, какие большие уши сделались, – доверительно показал Антошка ухо, приподняв шапку, – за семь-то лет! – Так ты что, – рассмеялся космонавт. – Семь лет свои классы одолевал?! – Восемь почти. На восьмом году науки отец меня домой уволок. Ох и бузова-ал! "Раз ты, лоботряс, лизуком хочешь жить, ну, значит, легко и сладко, – пояснил Антон, – пила и топор тебе! Ломи! Тайги на тебя еще хватит!" Но я его надул! – хмыкнул Антошка. – Он мне двуручку сулил, а я бензопилой овладел! На работу я зарный – ваю лесок. – Антон неожиданно прервался, совершенно другим тоном, деловито распорядился: – Приготовьте все, что надо: телеграммы там какие, сообщения. Сейчас тятя придет, и я на участок. Из пихтарника выкатился Захар Куприянович с большим мешком за спиной. – Живы-здоровы, Алек Митрич? – поинтересовался он. – Не уморил частобайка-то трепотней? Антошка насупился. Лесник сбросил с плеч собачью доху, накинул ее на Олега Дмитриевича, затем вытряхнул из мешка подшитые валенки, осторожно надел их, сначала на поврежденную ногу космонавта, затем на здоровую. После этого достал деревянную баклажку, опоясанную берестой, поболтал ею и налил в кружку. – Ч? мало льешь? Жалко? – вытянул шею Антошка. Отец отстранил его рукой с дороги и протянул кружку космонавту: – Ожги маленько нутро, Алек Митрич. Ночь надвигается, – настойчиво сказал он. – Потом уж как можешь. – И пока космонавт отдыхивался, хватив несколько глотков чистого спирту, пока жевал теплое мясо, с краюшкой домашнего хлеба, с хрустящей корочкой (не забыл старик!), Захар Куприянович наказывал Антошке, что и как делать дальше. В блокноте, почти исписанном от корки до корки, Олег Дмитриевич быстро набросал несколько телеграмм, одну из них, самую краткую, – отцу. Антошка стоял на лыжах,

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
запоясанный, подобранный, ждал нетерпеливо. Засунув бумажки под свитер, на грудь, и заправив шарф, он дружинисто выдохнул: – Так я пошел! Я живчиком!.. – Надежно ли документы-то схоронил? – спросил отец я начал наказывать еще раз: – Значит, не дикуй, ладом дело спроворь. Сообщи, стало быть, номер лесничества, версту, квартал в точности обрисуй. Винтолет ежели прилетит, чтобы на покос садился. Мы туда к утре перетаборимся.. Все понял? – Да понял, понял! – Ты мордой-то не верти, а слушай, когда тебе серьезное дело поручают! – прикрикнул на него отец. – Может, ночью винтолет полетит, дак огонь, скажи, на покосе будет. Ну, ступай! Антошка мотнул головой, свистнул разбойничьим манером и рванул с места в карьер – только бус снежный закрутился! – Шураган! Холера! – Захар Куприянович ворчал почти сердито, однако с плохо скрытой довольностью, а может, и любовью. – Моя-то, клушка-то: "Ах, господи! Ах, Боже мой! И что же теперь будет?! Ах! Ах!" – засуетилась, а сама не в ступ ногу. Горшок с маслом разбила. Суда собиралась, да ход-то у ей затупился. Капли пьют. Молока вот тебе послала. Горячее ишло. – Лесник вынул из-под телогрейки вторую флягу и протянул Олегу Дмитриевичу. Космонавт отвинтил крышку, с трепетным удовольствием выпил томленного в русской печи молока. – Ах, спасибо. Вот спасибо! Сеном пахнет! – В голове его маленько пошумливало и шаталось, сделалось ему тепло и радостно, – А вы-то? Вы ж не ели? – Обо мне не заботься, – махнул рукою лесник. – В доху-то, в доху кутайся. Студеней к ночи сделалось. – Нет, мне тепло. Хорошо мне. Вот, Захар Куприянович, как в жизни бывает. Никогда я не знал вас, а теперь вы мне как родной сделались. Помнить буду всю жизнь. Отцу расскажу.. – Ладно, ладно, чего уж там.. Свои люди, – Захар Куприянович смущенно моргал, глядя на темные кедряки. – Не я, так другой, пятый, десятый.. У нас в тайге закон такой издревле. Тут через павшего человека не переступят.. Спустия малое время Захар Куприянович укутал космонавта, сомлевшего от спирта и еды, в полушубок и доху, убеждая, что поспать нужно непременно – много забот и хлопот его ожидает, стало быть, надо сил набраться. Размякший от доброй ласки, лежал космонавт возле костра, глядел в небо, засеянное звездами, как пашня нерадивым хозяином: где густо, где пусто, на мутно проступающие в глубинах туманности, по которым время от времени искрило, точно по снежному полю; на кругло катящуюся из-за перевалов вечную спутницу влюбленных и поэтов, соучастницу свиданий и разлук, губительницу душ темных и мятежных – воров, каторжников, бродяг, покровительницу людей больных, особенно детишек, которым так страшно оставаться в одиночестве и темноте. Такими же вот были в ту пору небо, звезды, луна, когда и его, космонавта, не было, когда человек и летать-то еще не научился, а только-только прозрел и не мог осмыслить ни себя, ни мир, а поклонялся Богу, как покровителю. Боясь его таинственной беспредельности, приближая его к себе и задаривая, человек населил себе подобными, понятными божествами небеса. Но нет там богов. И луна совсем не такая, какую видят ее влюбленные и поэты, а беспредельность, как сон, темна, глуха и непостижима. Стоило бы каждого человека хоть раз в одиночку послать туда, в эту темень и пустоту, чтобы он почувствовал, как хорошо дома, как все до удивления сообразно на земле, все создано для жизни и цветения. Но человек почему-то сам, своими умными руками рвет, разрушает эту сообразность, чтобы потом в муках воссоединить разорванную цепь жизни или погибнуть. Олег Дмитриевич смотрел ввысь совершенно отстраненно, будто никогда и не бывал там. Вот приземлился и почувствовал себя учеником, вернувшимся из городского интерната в родную деревенскую избу, после холода забравшимся на русскую печь. Под боком твердая земля, совершенно во всем понятная: на земле этой растут деревья, картошка, хлеб, ягоды и грибы, по ней текут реки и речки, плещутся озера и моря, по ней бегают босиком дети и кричат чего вздумается. В земле этой лежит родная мать, множество солдат, не вернувшихся с войны, спят беспробудно принявшие преждевременную смерть космонавты – нынешние труженики Вселенной. И дорога земля еще и той неизбежной печальной памятью, которая связывает живых и мертвых. А там ничего этого нет.. "Не надо об этом думать. Не хочу! Не буду!" – приказал себе космонавт и вышкленно отключился от земной яви, но он чувствовал возле себя человека, близкого, заботливого, а сквозь сомкнутые ресницы и плотно сжатые веки долго еще проникали живые и яркие проблески огня, дыхание вбирало запах кедровой хвои и разопретного в костре дерева, отдающего сдобным тестом. Над ним стояла ночь, звонкая, студеная, и звезды роились в небе из края в край. Звезды, которые космонавт видел крупными, этакими сгустки мохнатого огня, порскающего яркими ошметками, – были опять привычно мелки и на привычных местах. Мерцая и перемигиваясь, они роняли слабый, переменчивый свет на землю, на космонавта, сладко, доверчиво посапывающего у костра. Оттопыренные полураскрытые губы его обметала уже борода и усы, а под глазами залегла усталость. Жалея, космонавт, разморенного сном, Захар Куприянович осторожно разбудил его, когда начало отбеливать небо с восточной стороны. – Что снилось-то? Москва? Парад? Иль невеста? Космонавт озирался вокруг, потирая щеку, наколотую хвоей лапника. – Не

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru

помню. Заспал, – зевая, слабо улыбнулся он. Щетина на лице Захара Куприяновича заметно загустела, и волос вроде бы толще сделался. Глаза лесника провалились глубже, шапка заиндевала от стойкого, всю тайгу утишившего морозца. – Измучились вы со мной, – покаянно сказал космонавт. Но лесник сделал вид, что не слышал его, и Олег Дмитриевич прекратил разговор на эту тему – есть вещи, о которых не говорят и которые не обсуждаются. Солнце еще не поднялось из-за перевалов. Все недвижно, все на ростани ночи с утром. Сизые кедры обметаны прозрачной и хрупкой изморозью. Но с тех, что сомкнулись вокруг костра, капала сырь, и они были темны. Сопки, подрезанные все шире разливающейся желтенькой зарицей, вдали уже начали остро обозначаться. Над костром булькал котелок, в нем пошевеливался лист брусничника, однотонно сипела в огне сырая валежина. Снег вокруг отемнился сажею. Космонавт шевельнул ногой, приступил на нее и ковыльнул к огню, протягивая руки. – Эдак, эдак, эть два! – сказал Захар Куприянович и начал подсмеиваться, он, мол, нисколь и не сомневался в том, что заживет до свадьбы, то есть до парадного марша в Москве. Парад, мол, мертвого на ноги поставит, а уж такого молодца-офицера, будто задуманного специально для парадов, и подавно! Подтрунивая легко, необидно, Захар Куприянович поливал из кружки на руки космонавту. Велел и лицо умыть – нельзя, чтоб космический брат зачуханный был! Что девки скажут?! "Ну и мужички-сибирячки! Все-то у них девки на уме!" – обмахивая лицо холщовым рукотерником, который оказался в мешке запасливую лесника, улыбался космонавт. Потом они пили чай с брусникой, громко причмокивая, – воля! – Здоров ты спать, паря! – потягивая чай из кружки, с треском руша кусок рафинада, насмешливо шурился Захар Куприянович. – Тебе бы в пожарники! – Не возьмут. Да я и не пойду – зарплата не та, – отшутился Олег Дмитриевич. – Так я спал, так спал!.. Все вокруг нравилось Олегу Дмитриевичу: и студеное утро, и жарко нагоревший костер, и чай с горьковато напревшим брусничником, и дядька этот, с виду только ломовитый, а в жите – просмешник и добряк. – Да-а, что верно, то верно – говорил и говорить буду: лучше своо дома ничего нет милей на свете. По фронту знаю, – ворковал он, собирая манатки в мешок. И когда они шли к покосу, космонавт светло озирался вокруг, сбивал рукой снег с ветвей, наминал в горсть, нюхал и даже лизнул украдкой, как мороженое. Остановился, послушал, как ударила в лесу первая синица, хотел увидеть белку, уронившую перед ним пустую, дочиста выеденную шишку, но не увидел, хотя Захар Куприянович и показывал туда, где она затаилась. Морозец отковал чистое и звонкое утро. Оно входило в тайгу незаметно, но уверенно. Хмурая, отчужденная тайга, расширяясь с каждой минутой, делалась прозористой и приветливой. Ближе к покосу пошла ур?ма – высокое разнотравье, усмирненное морозом, среди которого выделялись ушедшие в зиму папоротники, улитками свернутые на концах. Зеленые их гнезда сдавило, и они студенистыми медузами плавали по снегу. Возле речки и парящих кипунов густо росла шарага – так называл лесник кривое, суковатое месиво кустарников, сплетенных у корней. Космонавт улыбнулся, узнав исходную позицию популярного когда-то слова, и поразился его точности. Посреди поляны толстой бабой сидел стог сена. Из него торчала жердь, как локаторный щуп. Топанина на покосе была сплошная, козья, заячья, на опушке попадались, осторожные даже и в снегу, изящные следы косуль и кабарожек. Сохатые ходили напролом, глубоко продавливали болотину у речки, выбрасывая копытами размешанный торф, белые корешки колбы и дудочника. Звери и потербели стожок, и насыпали вокруг него квадратных орешков. Все-таки строгие охранные меры сберегли кое-что в этой далекой тайге. По верхней, солнечной закромке покоса флагами краснела рябина; ближе к речке, которая угадывалась по сгустившемуся чернолесью, ершилась боярка, и под нею жестяно звенел припоздалым листом смородинник. По белу снегу реденько искрило желтым листом, сорванным с березняков, тепло укрывшихся в заветренном пихтовнике. Осень в Сибири была ранняя, но тянулась долго и сбила с ноги идущую к своему сроку природу. Солнце поднялось над вершинами дальних, призрачно белеющих шиханов. Заверещали на рябинах рябчики, уркнул где-то косач, и все птицы, редкие об эту пору, дали о себе знать. Чечетка, снегирь, желна! А больше никаких птиц угадать Олег Дмитриевич не смог, но все равно млел, радуясь земным голосам, утру и, блаженно улыбаясь, в который уж раз повторил: – Хорошо-то так, Господи! Захар Куприянович, вытеревливая одоношки из стога, ухмыльнулся в щетину: – По небу шарисься, на тот свет уж вздымался, а все Господа поминаешь!.. – Что? А-а! Ну, это... – Олег Дмитриевич хотел сказать – привычка, дескать, жизнью данная, и не нашлось до сих пор новых слов для того, чтобы выразить умиление, горечь и боль. Но не было желания пускаться в разговоры, хотелось только смотреть и слушать, и, опустившись на охапку таежного, мелколистного и ошеломляюще духовитого сена, он привалился спиной к стожку и расслабленно дышал, поглядывая вокруг. Лесник забрался в черемушник – пособирать ягод в котелок. Но только он нагнул черемуху с красноватыми кистями, на которых стекленела морозцем схваченная ягода, как над лесом раздался рык, треск – и в вышине возник

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
вертолет. Он прошел над полями и стал целиться брюхом на стог. Олег Дмитриевич зажег свечу. Она засветилась, как елочный бенгальский огонь, только шире, ярко бросала она разноцветные искры и не успела еще погаснуть в снегу, как вертолет плюхнулся на поляну, покачался на колесах, вертя крыльями винта, расшуровывая снег с поляны, обнажая иглы стойких хвощей и пушицы. Лопасты еще вертелись над вертолетом, но вокруг сделалось растеряннo-немо после оглушительного рева и треска. Дверь вертолета открылась, и оттуда, не дожидаясь, когда выкинут подножку, вывалился Антон с развевающимся за спиной бордовым шарфом, с шапкой, вовсе уж отброшенной на затылок. – Пор-р-р-ядок! Я весь Советский Союз на ноги поднял! – еще издали закричал он и заключил космонавта в объятия, объясняя при этом, что привел вертолет лесоохраны и что вот-вот прибудет вертолет особого назначения, поисковая группа прибудет и много чего будет!.. – Отпусти человека-то, отпусти, вихорь! – заступался за космонавта Захар Куприянович. Возле вертолета нерешительной стайкой толпилась местная верхушка: директор леспромпхоза с парторгом, начальник лесхоза в нарядном, как у маршала, картузе. Девушка в лаковых сапожках и в новом коротеньком пальто – должно быть, представитель здешнего комсомола – терзала в руке цветы: герани, срезанные с домашних горшков, две худенькие квелые розочки и пышную тую. "Розы-то они, бедные, где же откопали? – изумился космонавт, – должно быть, цветовода-любителя какого-то свалили!" "И, страдая до конца, разбивает два яйца!.." – вспомнилась строчка из "Теркина". Космонавт поздоровался с местной властью за руку, принял цветы. Девушка залепетала, видимо, заранее подготовленную и порученную ей речь: – Рады приветствовать... вас... тут... разведчика Вселенной... на нашей... на прекрасной... от имени... Олег Дмитриевич был смущен не меньше девушки, топтался неловко перед нею и, чтобы поскорее ликвидировать заминку, взял да и поцеловал ее в щеку, покрытую пушком, чем смутил и оглушил девушку настолько, что она не в состоянии была продолжать речь. Директор и парторг укоризненно глядели на девушку, но она была, видать, не робкого десятка, быстро опаматовалась и, улыбнувшись широко, белозубо, взяла да и сама поцеловала его. Ритуал разрушился окончательно. Намеченные речи и приветствия отпали сами собой, свободней всем сделалось, и директор леспромпхоза, как лицо деловое, начал интересоваться: что нужно предпринять и чем помочь товарищу космонавту? Но тут из вертолета вывалился дядька в очках, за ним выпрыгнул лопухий пес, помочился на колесо машины, обнюхался, взял след зайца да и ударился в речное чернолесье, поднял там косога дурня, которого после ночных гуляний даже вертолет не разбудил, попер его вокруг вертолета, чуть не хватая за куцый зад. Никогда не выдавший не только машины, но и никакого народу, зайчишка ошалел настолько, что начал прятаться в колесах, будто в чаще. Все хохотали, схватившись за животы. Очкарик, как потом выяснилось, учитель школы и заядлый фотограф, которому до времени не велено было являться из вертолета на глаза космонавту, не терялся, а щелкал да щелкал аппаратом, бегая вокруг машины, науськивая собаку. Снимки его потом обошли почти все газеты и журналы страны – такой ловкий учительшка оказался! Пока резвились, гоняли по поляне бедного зайца и цепляли на поводок разбушевавшегося пса, над тайгой мощно зарокотало: из-за гор возникли сразу два вертолета и уверенно, неторопливо опустились в ряд на дальнем конце поляны, согнув вихрем винтов пихтач и осинники. Космонавт, прихрамывая, пошел навстречу и доложил о завершении полета. Из одного вертолета вместе с врачом вывалилась группа разноперо одетых людей с кожаными сумками, с кинокамерами и всевозможными аппаратами наизготовке. Камеры зажужжали, аппараты засверкали, а местный фотограф со стареньким, обшарпанным "Зорким" на шее, хитрово улыбаясь, трепал за уши павшего на брюхо пса и кормил его сахаром. Отбиваясь от фотографов и киношников, космонавт показал в сторону Захара Куприяновича и Антошки. И не успели отец с сыном глазом моргнуть, как их взяли в кольцо. Ошеломленный вопросами, ослепленный вспышками блицев, старик задал было тягу в лес, но его перехватили проворные люди с блокнотами, и он отыскал глазами космонавта, взглядом умоляя высвободить его из этой гомонящей, жужжащей и стреляющей орды. Олег Дмитриевич смеялся, переобуываясь в летные унты, в меховую куртку и не выручал лесника. Спустя время, уже переодетый, он подхромал к нему и крепко обнял: – Спасибо, отец! За все спасибо! – Антошку космонавт тоже обнял. Люди все это записали в блокноты и засняли прощание космонавта с лесником. Олег Дмитриевич, вернув леснику валенки и полушубок, еще раз обнял его и поднялся в вертолет. Обернувшись в дверях, он кивнул леснику с сыном головой, затем сцепил руки и пожал их – привычным уже, космонавтским приветом. – Отцу-то, отцу поклонись, Митрию-то Степановичу! – крикнул Захар Куприянович, и космонавт, должно быть, расслышал его, что-то утвердительно прокричал в ответ и кивнул головой. Дверь вертолета закрылась, херкнул двигатель, крылья наверху шевельнулись, пошли кругом, и вдруг дочиста уже сняло тонкий слой снега с поляны, обнажило траву, выбило из стога и погнало клочья сена, опять заголило

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
пихтовники и кедры, густо брызнула красная рябина на опушке. Вертолет дрогнул, приподнялся, завис над стогом и пошел над вершинами кедрача, за углом темнеющие шиханы. На хвостовом махоньком пропеллере что-то ослепительно сверкнуло, разбилось в куски, и машина исчезла из виду. Захар Куприянович потерянно топтался на поляне, затем нашел дело – собрал сено в стожок, подпинал его и удивленно сказал: – Вот... Ночь одну вместе прожили... Дела какие, а?.. Антошка увидев, как смялись и начали кривиться губы отца, сказал: – Беда прямо с тобой! Расстраивается, расстраивается!.. По телевизору увидим... Может, в отпуск приедет... – Эвон у меня какой умный да большой утешитель!.. – сказал Захар Куприянович. – Помогай-ка лучше людям. Лесхозовский вертолет тоже скоро поднялся в воздух, направляясь к ближней железнодорожной станции, куда должен был прибыть поезд особого назначения. Антошка отбыл туда же с бензопилой. Леспромхозу дано было распоряжение рубить дорогу к станции и подготовить трактора и сани для вывоза космического аппарата... Космонавт между тем, уже побритый, осмотренный врачами, отвалившись на сиденье, летел к своему аэродрому и просматривал свежие газеты. Попробовали было корреспонденты расшевелить его вопросами. Он рассказал им о Захаре Куприяновиче, об Антошке, попросил не особенно смущать старика "лирическими отступлениями" и, сославшись на усталость, как бы задремал, смежив ресницы. Но он не дремал вовсе. Он как будто разматывал ленту в уме и видел на ней весь свой полет. Луну, приближенную настолько, что просматривал он ее как бы с парашютной вышки, и сиротливо висевшую в пространстве, скромно мерцающую планету с простецким названием Земля, которая казалась ему когда-то такой огромной. Вспомнил и снова ощутил, не только сердцем и разумом, но даже кожей, как, шагая в тяжелом скафандре по угольно-черной поверхности чужой ему и непонятной планеты, он остро вдруг затосковал по той, где осталась Россия, сплошь почти укрытая зеленым лесом, тронутым уже осенней желтизной по северной кромке. Вон она лежит сейчас в снегах, чистая, большая, притихшая, и где-то в глубине ее, пришитая к тайге белой ниткой тропы, стоит избушка с номером на крыше, и от нее упала тень на всю белую поляну. Виделся беловато-жаркий костер в ночной тайге, грубо тесанный, кореньевитый мужик, глубоко и грустно о чем-то задумавшийся. "Отцу-то, Митрию Степановичу поклонись!" – мудрая доброта человека, которому уж ничто не надо самому в этой жизни, сквозила в его словах, в делах и в усталом взгляде. "Сумеет ли мы до старости вот так же сохранить душу живую, не засуетимся ли? Не механизуем ли себя и чувства свои?.." Прилетев в Байконур, Олег Дмитриевич первым делом спросил об отце. Друзья или, как хорошо называл их Захар Куприянович, связчики сказали космонавту, что Дмитрий Степанович уже в Москве, устроен, ждет его. Отдав рапорт правительству, пройдя через первый, самый нервный период встречи на Внуковском аэродроме, космонавт, переходя из рук в руки, из объятий в объятия, все искал глазами отца. Увидев его, он даже вскрикнул от радости. Был он в новом клетчатом пальто модного покроя, в тирольской шляпе с бантиком на боку, в синтетическом галстуке, сорящем разноцветные искры, приколотом к рубашке модной железьюкой, – уж постарались земляки, не ударили в грязь лицом, пододел старика. Впереди отца, удало распахнув котиковую шубу, выпятив молодецкую грудь, стояла раздавшаяся телом, усатая тетушка Ксана и делала Олегу ручкой. Раздвинув плечом публику, минуя тетушку, которая с захл?бом причитала: "Олежек! Олежек! Миленький ты мой!" – космонавт приблизился к отцу, прижал его к себе и услышал, как звякнули под клеенчато-шуршащим пальто медали отца. "Батя-то при всем параде!" Отец тыкался нахолодавшим носом в щеку сына и пытался покаяться: – Порол ведь я тебя, поро-о-ол... "И правильно делал!" – хотел успокоить отца космонавт, но тетушка-таки ухитрилась прорваться к нему, сгребла в беремя и осыпала поцелуями, все повторяя рвущимся голосом: "Милый Олежек! Миленький ты мой!.." Мелькнуло в памяти ее интервью в центральной газете: "Воспитывала... до десяти лет... Исполнительный был мальчик. Учился хорошо, любил голубей... мечтал летчиком..." Учился он, прямо сказать, не очень-то. Воля ему большая была. А кто ж при воле-то ладом учится в детстве? Голубей любил или нет – не помнит. Но уж точно знает – хотел быть столяром, как отец, о летном деле не помышлял вплоть до армии. Он с трудом вырвался от тетушки, снова пробился к отцу, вовсе уже затисканному толпой, и успел ему бросить: – Ты от меня не отставай! Отец согласно тряс головой, а в углах его губ копились и дрожали слезы. "Совсем он старичонка у меня стал. Никуда больше от себя не отпущу!" – сказал сам себе космонавт и отправился пожимать руки и говорить одинаковые слова представителям дипломатического корпуса. Отца он увидел, спустя большое время, уже возле машин. Старик проплакался и успел ободриться настолько, что даже перед модной иностранкой, одетой в манто из русских мехов, отворил дверцу машины со старинной церемонностью, и подмигнул Олегу Дмитриевичу: "Знай нас, столяров-краснодырщиков!" Как-то сразу отпустило, отцовская озороватость передалась ему, и он настолько осмелел, что и сам распахнул дверцу перед

Астафьев Виктор Петрович Ночь космонавта astafevvictor.ru
иностранный дамой, разряженной наподобие тунгусского шамана, и она обворожительно ему улыбнулась улыбкой, в которой мелькнуло что-то знакомое. – Знай нас, столяров-краснодыршиков! – вдруг брякнул Олег Дмитриевич. Дама, не поняв его загадочной шутки, все же томно прокурлыкала в ответ, обнажая зубы, покрытые блестящим предохранительным лаком: – О-о, как вы любезны! – и снова что-то знакомое пробилось сквозь все помады, наряды и коричневый крем, которому надлежало светиться знойным африканским загаром. "Всегда мне черти кого-нибудь подсунут!" – досадовал Олег Дмитриевич, едучи в открытой машине по празднично украшенным улицам столицы, и мучительно вспоминая: где и когда он видел эту иностранную даму, разряженную под шамана или вождя африканского племени. Толпы празднично одетых людей кричали, забрасывали машину цветами, школьники флажками махали, а космонавт, отвечая на приветствия, все маялся, вспоминая эту самую распроклятую даму, чтобы поскорее избавиться от "бзыка", столь много наделавшего ему хлопот и вреда, но ничего с собою поделать не мог. А люди все кричали, улыбались и бросали цветы – люди земли, родные люди! Если б они знали, как тягостно одиночество!.. И вдруг мелькнуло лицо, похожее на... и Олег Дмитриевич вспомнил: никакая это не иностранка, а самая настоящая российская мадама, жена одного крупного конструктора. Он встречал ее как-то на приеме, и сдалась она ему сто раз. "О-о, батюшки!" – будто свалив тяжелый мешок с плеч, выдохнул космонавт и освобожденно, звонко закричал: – Привет вам, братья! – обрадовался вроде бы с детства знакомым, привычным словам, смысл и глубина которых открылись ему заново там, в неизведанных человеком пространствах, в таком величии, в таком сложном значении, какие пока не всем еще людям Земли известны и понятны. – Привет вам, братья! – повторил космонавт, и голос его дрогнул, а к глазам снова начали подкатывать слезы, и он вдруг вспомнил, как совсем недавно и совсем для себя неожиданно, во сне или наяву плакал, уже охваченный тревогой и волнением от встречи с Землей, с живой, такой простой и знобяще близкой матерью всех людей. Повидавший голокаменные астероиды, пыльные, ровно бы выжженные напалмом, планеты, без травы, без деревьев, без речек, без домов и огородов, он один из немногих землян воочию видел, как бездонна, темна и равнодушна безголосая пустота, и какое счастье, что есть в этом темном и пустом океане родной дом, в котором всем хватает места и можно бы так счастливо жить, но что-то мешает людям, что-то не дает им быть всегда такими же вот едиными и светлыми, как сейчас, в день торжества человеческого разума и праздника, самими же людьми сотворенного. 1972

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!